

УСПЕТЬ
ПОВЕРНУТЬ
НАПРАВО

...А праздник
ждет тебя за поворотом!

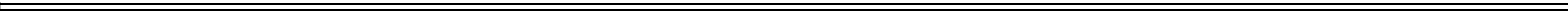
МАРИЯ

КРУЗ

И М А Й К Л М А Р

Annotation

Прилетев из Лондона, Маргарита предвкушает встречу с любимым и возвращение к безумному московскому ритму жизни, где расписана каждая минута. Маргарита красива и успешна, она знает, чего хочет, и знает, как этого добиться. У нее есть все, о чем многие могут только мечтать, но счастлива ли она? Судьба заставляет пересмотреть свои взгляды и оказаться в невероятном, почти фантастическом путешествии, которое изменит всю ее жизнь...

Мария Круз, Майкл Мар

Успеть повернуть направо

© М. Круз, М. Мар, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Глава 1

Бизнес-класс

– Извините, вы не могли бы выключить свой телефон? Мы скоро взлетаем. – Голос бортпроводницы отвлекает меня от разговора, и я раздраженно отвечаю ей одними губами, чтобы дала мне минуту.

– Послушай. Да послушай же! – шиплю я в трубку. – Не суетись и не паникуй. Я уже в самолёте. Через пару часов буду в Москве и сразу позвоню тебе. Мы всё решим. Главное, ни с кем не общайся. Наши адвокаты занимаются твоим делом. Да успокойся, наконец! Не ты первый кинул инвесторов на двадцать миллионов. Всё уладим. Так, у меня взлёт, надо отключаться. Давай, до связи.

Закончив звонок, демонстративно игнорирую пристальный взгляд стюардессы и пристёгиваюсь в кресле. Билет бизнес-класса позволяет мне такую манеру поведения, и поэтому я не испытываю ни малейших угрызений совести.

Терпеть не могу этот перелёт – Лондон – Москва. Слишком мало времени для полноценного сна и слишком много, чтобы отрешиться от насущного и помечтать. Обычно я занимаю себя тем, что разгадываю кроссворды в английских газетах, которые предлагают в самолёте, или просматриваю и редактирую планы на неделю. Но сегодня совершенно нет желания делать ни то, ни другое. Мои мысли вертятся лишь вокруг моего парня Тома. Нет, он не англичанин. Вообще-то его зовут Артём, но так как по роду своей деятельности он писатель, то взял себе псевдоним Том Купер. Как он говорит, люди охотнее раскупают книги, видя на обложке иностранное имя. В общем, и я его время от времени называю Томом. Мне кажется, это ему льстит. Ну, а почему бы не доставить своему мужчине маленькие радости?.. Это же несложно, так ведь? Так вот, Артёму я сказала, что прилетаю завтра. Захотелось устроить ему сюрприз. Просто голос у него был слишком грустный, когда я сообщила, что следующая неделя будет сущим адом, полная судебных разбирательств, деловых встреч и всякого прочего, нудного и утомительного. Так что, решив устроить себе хотя бы один выходной день, а его побаловать бездельем и валянием в постели, я посчитала, что это будет справедливо. Последние пару месяцев мы с ним слишком редко виделись. Я постоянно пропадала на работе и в поездках, в то время как у него был творческий кризис. Даже не знаю, что его раздражало больше. Но я – руководительница спецпроектов в крупном банке, и в моём контракте значится, что я должна быть двадцать четыре часа семь дней в неделю на связи: решать различные вопросы, регулировать проблемы, ужинать с клиентами и много что еще. Проще говоря, собственноручно отписала свою личную жизнь корпорации, променяв её на роскошные апартаменты в центре, хорошую машину и прочие блестящие радости нашего века. Сказать, что я жалею? Нет, совсем нет. Как ни крути, но я не из разряда людей, кто довольствуется «чем бог послал». И мне не мил «рай в шалаше». Конечно, паршиво, что от этого страдает частная жизнь, но это не навсегда. Тяжело первые пять лет. Пять лет. Пять. Хотя с первого рабочего дня в банке уже прошло семь. М-да, ну ничего. У меня есть чёткий план, и я ни за что не отступлю от него.

Также мои доходы позволяют мне заглаживать вину перед Тёмой. Например, однажды я просто забыла о нашем романтическом походе в ресторан, пришла вусмерть уставшая домой и завалилась спать прямо в одежде. После этого он не разговаривал со мной два дня. И чтобы

хоть как-то поднять ему настроение, мне пришлось тайком от него объездить дюжину магазинов и скупить около двух тысяч экземпляров его последней книги, дабы поднять его рейтинг. Он, конечно, и сам продаётся, но не бестселлер, не бестселлер.

И подобным образом я периодически извиняюсь за своё поведение. В этот раз я откуплюсь часами «Breguet Limited Edition», которые в подарочной упаковке лежат в моей сумке. Дорого, но справедливо. Последний мой факап и правда вышел за все рамки. Когда перед моим очередным вылетом в Лондон ночью в порыве страсти он опустил вниз и ублажал меня, мой телефон истошно заверещал. Я хотела было уже выключить его, так как оргазм был на подходе, но увидела, что «входящий» – мой непосредственный начальник, чьего звонка я ждала весь день. Забыв обо всём на свете, я нагло отпихнула Артёма ногой, схватила мобильник и ответила. Сказать, что Артём был в шоке, значит ничего не сказать. Он был просто в ахуе. Но у меня не было выбора. Не стонать же мне в трубку, когда на другом конце начальство. В общем, в ту ночь я спала на диване. Вот вам и полная смена ролей в наши дни. Хотя мне тогда было не до смеха, но я зажимала себе рот рукой, чтобы не заржать от того, что представила: он истерично собирает вещи и уезжает к... папе. Ох, досмеёшься ты, Старкова, досмеёшься.

Вообще, он хороший парень, интересный и лёгкий, что ли... Иногда в нём просыпается зануда, но я научилась выключаться в такие моменты. А вот я порой слишком жёсткая. Даже несмотря на то, что обладаю милым личиком двадцатипятилетней девушки в свои тридцать четыре. А еще с довольно привлекательным спортивным телом, за что спасибо четырехкратным посещением тренажёрного зала в неделю. При этом ни одна жена или девушка моих коллег не ревнует ко мне. Просто потому, что они знают, что я Старкова Маргарита Владимировна, которая на завтрак съедает трёх молодых менеджеров и доводит до слёз здоровых взрослых мужиков, когда те в чём-то прокалываются. Ну, во всяком случае, такие ходят слухи, хотя скажу по правде, они не так далеки от истины. Виной такому характеру служит детство среди одних мальчишек и долгий, тернистый путь по карьерной лестнице. В Москве это тебя либо закаляет, как сталь, либо закатывает в самый низ, как каток по асфальту.

В общем, сегодня буду заглаживать всеми мыслимыми и немыслимыми способами вину перед Тёмой. И всё будет хорошо. Всегда срабатывает.

Мы наконец взлетели. Под крылом самолёта остался один из лучших городов на Земле, в который, как ни странно, тянет вернуться и больше не уезжать. Несмотря на всю его чопорность и ужасную погоду, в Лондоне всё гармонично и над ним время совершенно не властно. И там если и посылают тебя куда подальше, то перед этим говорят «Excuse me».

– Good morning, ladies and gentlemen...^[1] – доносится приятный британский акцент пилота из динамиков над головой.

Глава 2

Обнуляй

Сев в свой «Jeep Cherokee Limited Edition», припаркованный на стоянке аэропорта, я недолго прогреваю его от двухдневного застоя, прикуриваю долгожданную сигарету и трогаюсь с места. Москва предстает передо мной во всей своей утренней красе. А именно пробки, угрюмые лица и прочие факторы, которые совсем не поднимают настроение, когда ты возвращаешься из Европы.

Отчаянно хочется кофе. Выпитый на бегу в аэропорту латте давно перестал действовать, а останавливаться у кафе и выходить из машины совсем нет желания. Побыстрее бы добраться домой.

Несколько месяцев назад Артём переехал ко мне, и я точно знаю, что в такую рань он ещё спит. И я уже вся в грёзах поскорее забраться к нему в уютную и нагретую кровать. Так что нахожу замену дозе кофеина в музыке. Нажимаю на кнопку «play» магнитолы, и в машине начинает играть песня «Обнуляй» Кравца.

Буду твоей мечтой, для тебя дом построю,
Будь со мной и будь простой.
Ты моя... современная.

Дом построю. Тёма человек города и никогда не предлагал пожить за его чертой. А я мечтаю об этом уже давно. Иметь свой дом. И обязательно с садом. Порой, листая в самолётах журналы по интерьеру, представляю, какой бы был фасад и как красиво он бы зарастал плющом. Розы и тюльпаны я бы заказывала прямиком из Голландии. Строить не обязательно на «Рубле». Он уже давно потерял былую славу, а уж тем более хорошую экологию. Элитные посёлки с живописными видами растут последнее время как грибы после дождя. Осталось только собрать достаточную сумму и найти для всего этого время.

Сейчас же я еду в свою квартиру на Мичуринском, отчаянно умоляя московского бога пробок сжаться надо мной и разогнать всяких бомбил, приезжих и тупых куриц на «Мини-Куперах» в другие части города, чтобы они не задерживали меня на пути домой.

Всё, что было до меня, обнуляй.
Жизнь – море. Ща поныряем.
Только ты давай мне доверяй,
И мы телепортом с тобой прямо в рай.

Море. Хочу на море. Вот бы, как маленькая девочка, затопать ножками в кабинете начальства и прокричать, что хочу в отпуск, загорать, есть сладкую вату, морских гадов, купаться, тусить до утра. А утомившись пляжем, ездить по городам, сделать миллион фотографий, изучать повадки местного населения, архитектуру и историю какой-нибудь экзотической страны. Но реальность такова, что я даже не заикнусь про это. Мне слишком тяжело дались годы, потраченные на достижение суперкрутой должности, и я слишком долго

доказывала, что не импульсивная девочка, которая за распродажи в Милане отдаст всё на свете. Так что с отпуском придётся подождать. Или, может, мне повезет и очередная командировка будет в таком месте, где всегда лето. Как, например, в деловой поездке на Мальдивы. Мы неделю проплавали на огромной яхте, занимались дайвингом, обсуждали проекты, рисовали схемы и пили, очень, очень много пили. Так много, что к концу поездки от словосочетаний «пинья колада» и «клубничная маргарита» мне становилось не по себе. Эх, поваляться бы сейчас на пляже, хотя бы часок... а то похожа уже на вампира. Красные от недосыпа глаза хотя бы лечатся специальными каплями, а вот мою бледную кожу не спасёт ни один солярий. Такая вот особенность организма. Кожа воспринимает только натуральный ультрафиолет.

Ладно, что-то я замечталась. Вернувшись с небес на землю, обнаруживаю себя за рулем автомобиля, стоящего у шлагбаума моего жилого комплекса. Охранники здороваются и пропускают меня.

Припарковав машину, понимаю, что мне лень тащить чемодан с вещами, и я оставляю его лежать на заднем сиденье джипа. Беру лишь сумку с часами и захожу в подъезд.

Я что-то так нервничаю, что внизу живота всё напряглось. И улыбка на всё лицо. Я не мастерица на сюрпризы и делаю их слишком редко, поэтому мысленно начинаю перебирать, что бы такого сказать, когда разбужу его. Или, может, ничего не говорить, а просто тихонько лечь к нему? Ну, начать приставать и всё такое. Точно, надо будет полностью раздеться и надеть только часы, которые привезла ему в подарок. Это будет то что нужно.

Когда лифт остановился на моём этаже, я уже вполне чётко представляла себе развратные сцены, что последуют после его пробуждения. Чёрт, я уже была нешуточно возбуждена, когда осторожно открывала ключом дверь. Войдя в прихожую, в нос мне ударил какой-то странный сладкий запах. Вроде совсем незнакомый. Может, кальян? Артём любит его покурить время от времени.

Бесшумно, на цыпочках, но всё ещё на каблуках я прохожу через гостиную в спальню, уже на ходу снимаю с себя пиджак и готова радостно закричать: «Сюрприз!», если он вдруг резко проснётся. Но совершенно непредсказуемо всю мою улыбку, всё моё мандражное состояние перед встречей, да что уж там, всё моё тепло и чувства рушит загорелая и крепкая задница какой-то девицы, которая лежит на животе в моей постели, в то время как рука Артёма покоится на её спине.

– Пиздец! – вырывается у меня слово, которое единственное может охарактеризовать происходящее.

От моего довольно громкого возгласа они даже не просыпаются. Так, суки, сладко спят. Мысли проносятся с такой скоростью, что начинает кружиться голова и накатывает такое чувство, что меня вот-вот вырвет. Как же это мерзко. В собственной квартире, в собственной постели застать своего спящего парня в обнимку с молодой и весьма привлекательной тёлкой.

И вот смотрю я на это всё и даже пошевелиться не могу. Словно приросла к полу. Все мои иллюзии насчёт любви, чувств и отношений разбились на такие мелкие осколки, что их просто невозможно ни собрать, ни склеить. Я готова простить что угодно, но не предательство. Невыносимо больно закололо сердце. Из глаз пролилась лишь пара слезинок. И они не посвящены Артёму. Они посвящены жалости к самой себе. Что не успела я и глазом моргнуть, как и настал тот момент, которого боится каждая женщина. И название ему – фраза, время от времени произносимая в компании подруг: «Он изменил мне с молодой».

Звучит это всегда по-разному, но смысл всегда один: мужчины бросают сверстниц и выбирают юных и глупых. Не всегда из-за секса. Чаще всего дело в том, что на молоденьких девушек мужчины за тридцать пять могут произвести то самое впечатление, которое на нас уже просто не действует. Мы слишком хорошо их знаем. Они для нас становятся слишком домашними. А мужчинам порой необходимо показать себя дикими самцами. И когда это удаётся, они вдруг осознают, что ещё совсем молоды душой. А услышав пару комплиментов в свой адрес от юных особ, тают как мороженое и уже готовы доказать, что и в постели они те ещё тигры.

Обойдя кровать и встав с той стороны, где спит Артём, на полу я нахожу их вещи, пустые бутылки из-под вина, обёртки от презервативов и мой белый махровый халат. Мой, сука, лично мой халат. Артём никогда его не надевает. Говорит, что ходить в халате дома – это как жить в отеле. А скомканное полотенце с длинными рыжими волосами на нём окончательно меня добивает. Эта мразь носила мой халат и ещё и вытиралась моим полотенцем. Ну, всё. С меня хватит.

– Доброе утро, ублюдок! – пинаю я Артёма каблуком в рёбра. – Тебе сварить кофе?

– А? Что? – сонно спрашивает он, перевернувшись.

– Сейчас ты поймёшь! – уже ору я и выливаю на него стакан воды, который стоял на прикроватной тумбочке.

– Что за... – начинает он было возмущаться и открывает глаза. Недовольство во взгляде сменяется удивлением, и лицо моментально искажается гримасой ужаса. – Рита? Что ты? Как ты? Ты же в Лондоне.

– Сюрприз, мудила! Жена вернулась из командировки. Слышал такой анекдот?

– Что там такое? – доносится хрипловатый голос девицы. – Выключи телевизор.

– Поднимай свою шляху. Или я её сейчас спущу с лестницы. Сама. – Я окончательно теряю контроль над собой.

– Э-э-э, во дела. – Он толкает девушку.

Та переворачивается на спину, и ненависть моя лишь возрастает. Потому что она и правда очень красива и слишком молода. Идеальной формы грудь, ни одной морщинки даже на заспанном лице, и полная депиляция всего тела. Нет, серьёзно, словно ей лет семь. Мне, к сожалению, не всегда удаётся тщательно следить за собой, просто не хватает времени для подобных процедур.

Девица открывает большие глаза и быстро хлопает ресницами, пытаясь понять, что происходит. Смотрит то на меня, то на Артёма и боится пошевелиться. Затем резко вскакивает и произносит:

– Ой, привет. Вы, наверное, его жена? Так? А я...

– А ты хватаешь свои шмотки и сваливаешь отсюда на хуй. Быстро. Бегом! – кричу я так, что чувствую пульсацию вен в висках.

Впопыхах собрав вещи в охапку, девушка удаляется в прихожую. Артём провожает её взглядом, и я чувствую, что он бы не прочь поменяться с ней ролями, самому вот так же убежать, а её оставить мне на растерзание. Но нет, милый, сегодня не твой счастливый день.

– Оно того стоило? – Мне нестерпимо хочется его ударить. – Я даже не спрашиваю «почему». Ответ слишком очевиден. Просто интересно, оно того стоило?

– Знаешь... – Он садится на кровати. – И очень зря, что ты не спрашиваешь «почему». Ибо это ответ и на все последующие вопросы.

– И почему? Потому что меня не было два дня и ты не смог удержать член в штанах?

Или потому что это круто – трахать двадцатилетних, будучи писателем? Давай, удиви меня.

– Может, оно и так. Но не в нашем случае. Причина в тебе, Рит.

– Чего?! Что ты сказал? Во мне? Ну, прости, что мне уже не двадцать и я не заглядываю тебе в рот и не прошу автограф. Открою секрет – ты уже тоже не мальчик.

– Я в курсе. Спасибо. Но я тебе про другое. Просто порой хочется быть кому-то по-настоящему интересным. И кто, затаив дыхание, ждёт, что я отвечу, кому небезразлично, о чём я думаю. Понимаешь? Приятно завораживать и видеть результат.

– Что за чушь ты сейчас несёшь? Бред какой-то.

– Не бред. Пойми, с тобой я чувствую себя словно довесок. Я как один из пунктов, чем ты обладаешь. Ну, машина, квартира, престижная работа и парень. Я тоже, наверное, «limited edition»^[2]. Как ты любишь, – говорит Артем, и мы слышим, как девушка с силой захлопнула за собой входную дверь.

– Не льсти себе. Был бы ты «limited edition», не был бы как все. Не трахал бы студенток. Хотя нет, ты отличился. Остальные мужики хотя бы снимают дешёвые отели или апартаменты с почасовой оплатой. Но ты решил не заморачиваться и трахнул её в моей квартире! На моих простынях! И дал ей мои полотенце и халат! Какая же ты сволочь.

– За это прости. Правда. Всё слишком быстро получилось.

– Слишком быстро, чтобы подумать мозгами?

– Нет. Просто она студентка журфака и брала у меня интервью.

– Ага, и не только интервью.

– Подожди. Дай расскажу. – Он хватается за голову, понимая, что вгоняет себя только в больший тупик.

– Да плевать. Неинтересно. – Я закурываю.

Мне настолько противен Артём, что я чувствую себя грязной, и хочется тереть тело губкой, пока кожа не слезет.

– О боги! Дай сигарету, пожалуйста.

– Вот тебе сигарета, – кидаю в него пачкой. – Вот тебе зажигалка.

Она попадает ему прямо в лоб.

– Спасибо. Рит, я понимаю, что никакое из оправданий не поможет мне, но поверь, принимай ты большее участие в нашей с тобой жизни, а не ставя галочки, что мы сходили в ресторан или провели один выходной вдвоём, этот разговор не состоялся бы. Как и то, что ты только что увидела. Просто я осознал, что так будет всегда. Твои вечные бизнес-поездки, твои поздние приходы домой и прочее. Ты станешь лишь еще более алчной. А потом, когда поймёшь, что хорошо бы иметь нормальную семью, окажется уже слишком поздно. А время летит слишком быстро.

– А почему ты не говорил об этом со мной раньше?

– Я говорил, только вот ты не слушала. Словно игнорируя, начинала говорить о своём, либо мы трахались.

– Ага. Понятно. А эта рыжая, наверное, слушала. – Я начинаю ходить по комнате и сжимаю руки в кулаки так сильно, что костяшки тут же белеют.

– Она, представь себе, слушала. И о многом меня расспрашивала. О жизни, о моих книгах. А ты же знаешь, как я падок на лестные отзывы о своих текстах. Я не буду отрицать, что это выдернуло меня из болота негатива и безысходности.

– И вдёрнуло в её вагину. Ой, слушай, давай ты не будешь из себя строить героя «Блудливой Калифорнии», у тебя харизма слабовата для этого.

– Я не строю. Но сериал, как и его главного героя, стал понимать намного лучше. Для тебя всё упирается в секс, ты из-за этого и ненавидишь меня.

– Нет, не в секс. Ты так и не ответил. Оно стоило того?

– Что? Секс? – спрашивает он и кидает окурок в пустую бутылку.

– Весь твой поступок целиком.

– Знаешь, он стоил того лишь потому, что мы наконец поговорили обо всём этом.

– Как же я тебя ненавижу. Одной ночью ты перечеркнул все, что у нас было. Просто поддавшись на банальную лесть и соблазнившись на крепкую задницу. У тебя же в последнее время «нет настроения», как ты выражаешься.

– Ну, с ней у меня настроение было.

Отреагировав за какую-то долю секунды, я бросаюсь к нему и отвечаю такую звонкую пощёчину, что от силы удара его голова отлетает к стене. К моему удивлению, от этого мне ничуть не полегчало. Просто захотелось сделать больно.

– Козёл.

– Больно! Прости, заслуженно.

– Я даже ещё не начала. За мою обконченную кровать ты заплатишься сильнее.

– Я пользовался презервативами, – отвечает он, держась за левую сторону лица, которая стремительно краснеет.

– Они таким, как ты, не нужны. Вы сами по себе гондоны.

– У тебя удар, как у боксёра.

– Удар у меня нормальный. Просто ты его держать не умеешь. Когда случаются трудности, их просто нужно решать. А не прыгать на первую попавшуюся, которая тебя по головке погладила. Бедный, несчастный. Брошенный такой. Ты вот укоряешь меня в том, что я карьеристка, а скажи честно, на чьи средства мы живём? Вот представь, что я бы завтра взяла да и уволилась. Что бы мы делали? Ждали бы, пока тебя опубликуют за границей? Чтобы получить приличный гонорар? А дальше что? Просто из нас двоих на самом деле о нашем будущем думаю только я. Во всяком случае, думала. Дура. Поделом мне.

– Рит, нет, ты хорошая, я просто недостоин тебя.

– Ой, заткнись ты уже. Или клянусь, второй удар будет сильнее. – Я бросаю на него испепеляющий взгляд.

Снова закуриваю, беру стул и сажусь напротив Артёма. Смотреть на него совсем не хочется. Хочется, чтобы он взял и испарился, захватив с собой все воспоминания о себе. Молчим. Каждый думает о своём, но мысли, скорее всего, сходятся. Это конец. Других вариантов быть не может. Нет ни единого спасательного круга, который может вернуть всё на свои места. Да и всё в принципе уже сказано. Меня трясёт, и я пытаюсь унять дрожь, считая до десяти про себя и глубоко дышу.

– Значит так, – собрав остатки сил, тихо произношу, глядя ему в глаза, свои он старательно прячет. – Я сейчас поеду за сигаретами. У тебя есть ровно час, чтобы собрать всё своё барахло и навсегда свалить из моей квартиры и моей жизни. Все мною подаренные Gucci, Burberry и Hellmann можешь взять с собой, считай это золотым парашютом. А ключи от квартиры и карточку оставь на кухонном столе. Если к моему приходу ты будешь ещё тут или что-то пропадёт, я вызову ментов или службу безопасности, поверь, такие проблемы тебе сейчас меньше всего нужны. Халат с полотенцем можешь подарить своей фанатке. Я их всё равно выкину, как, видимо, и кровать. Я тебя больше никогда не хочу ни видеть, ни слышать. От всего сердца желаю тебе сдохнуть в одиночестве и бедности. И чтобы тебя похоронили за

счёт государства. Лично я тебя уже похоронила. Ты мне сделал нестерпимо больно, Артём. И ты знаешь, такого я никогда не прощу. Я в тебе разочаровалась. Прощай.

Я встаю и стремительно выхожу из спальни, лишь бы поскорее убраться подальше. Просто исчезнуть. В спину мне летят оклики Артёма, чтобы я остановилась и послушала. Но мне больше нечего слушать. И я не хочу стоять. Я хочу сорваться. Взять билет до Луны в один конец. Сменить имя, цвет волос. Я хочу стереть всё время, которое связано у меня с этим человеком. Я хочу уничтожить все воспоминания. Вот я уже в лифте, держу в руках ключи от автомобиля и смотрю на свои ногти... Вот я уже сдерживаюсь из последних сил и снимаю джип с сигнализации. Сажусь в машину, со всей силы захлопываю дверь и раздираюсь истошным криком. Я ору так, словно меня придавил пятидесятитонный грузовик. Словно мне отрезают ногу без наркоза. Я впиваюсь ногтями в руль и бьюсь затылком о подголовник сиденья. Я кричу так долго, что горло начинает болеть, и я захожусь в кашле. Но ни одной слезинки. Ни одной. Что со мной? Неужели я превратилась в Снежную королеву? Не знаю, но единственное, что у меня в голове, – просто свалить из этого места как можно дальше. Я беру себя в руки и нажимаю на педаль газа. Не едет. Ах да, завести машину сначала нужно. Точнее, вставить ключ, завести, переставить на режим драйв и уж только потом поехать. Соберись же!

Я трогаюсь с парковки и, миновав шлагбаум, выезжаю на улицу. Меня уже встречает полуденная Москва, наполненная спешащими клерками, гастарбайтерами и всей остальной серой массой. Хотя, думаю, в моём состоянии мог бы проехать медведь на скутере, я бы и на это никак не отреагировала. Нога жмёт на педаль, руки крутят руль, на глазах плотно сидят очки от Tiffany&Co. Магнитола автоматически включилась, и отчего-то вновь зазвучало «Обнуляй». И правда, всё, что я сейчас хочу, так это обнулиться. Вернуться на исходную точку, воскресить все свои обугленные нервные окончания. Забыться, в конце концов. Иногда я очень жалею, что я не какая-то творческая личность, которая может запереться в своей квартире с горой алкоголя и наркотиков, слушать Pulp, Nirvana, Placebo и просто лежать, распростершись на полу, и жалеть себя. Но я не имею на это право. Как я вообще сумела выкрасть для себя выходной на сегодня – уже чудо. А может, и не надо было? Я бы даже ничего и не знала... Да нет, ересь какая-то. Не хочу стать одной из тех женщин, что готовы закрыть глаза на измены своих мужчин, лишь бы не пришлось появиться одной на какой-нибудь тусовке. Никогда! Слышишь? Никогда ты не позволишь так обращаться с собой.

На такой яркой эмоции я резко стартую на светофоре, не замечая, что красный свет всё ещё горел. И, к моему вселенскому везению, прямо за поворотом меня поджидал пикет ДПС. Который, естественно, не пропустил возможности тормознуть меня.

Остановившись, я всё ещё блуждала в своих мыслях преданной женщины, но уже успела сообразить, что у меня нет с собой наличных в рублях, и поэтому прикидывала, чьей фамилией мне козырять, когда они начнут грозить лишением прав и всем прочим.

– Добрый день! Первый батальон ДПС, сержант Красноголовкин, – представляется мне страж правопорядка. – Ваши документы, пожалуйста.

– Одну минуту... – Я лезу сначала в сумку, а затем в бардачок и достаю ему всё, что у меня есть – водительское удостоверение, документы на машину, страховку, абонемент в фитнес-клуб. В общем, соображаю я очень туго.

– Этого достаточно, – говорит он мне, возвращая всё, кроме водительских прав и документов на машину.

Чёрт, именно сегодня нужно было нарваться на мента. Как будто мне других проблем

мало. Сержант что-то изучает, пристально сверяет с чем-то, а затем снова подходит ко мне:

– Ну и что же вы так грубо нарушаете? Прямо на красный свет. В час пик. Нехорошо это. Что делать будем?

– Товарищ сержант, честное слово, в первый раз такое. Стаж, вы видите, большой. Задумалась просто.

– Ну, думать за рулём – это вообще хорошее дело, – отвечает он, поддёргивая пояс, – но правила нужно соблюдать. Штраф я вам все же выпишу. У вас, кстати, глаза красные и кожа бледная. Вы ничего не употребляли? Алкоголь, наркотики?

– Нет, не употребляла, – раздраженно бросаю я, и при этом как назло начинают трястись руки. Я пытаюсь это скрыть, но получается плохо.

– То есть готовы пройти проверку? – уточняет он.

– Проверку на что? – Руки трясутся сильнее.

Я понимаю, как это выглядит, но не могу объяснить, что это не от того, что я что-то приняла, а от злости и желания удавить его на месте, так некстати появившегося.

– Одну минуту, – говорю я и ищу наличные в подлокотнике. Чего там только нет – чеки, дисконтные карточки, диски, даже тампоны – всё что угодно, кроме денег.

– Пройдемте тогда в патрульную машину, подуете в трубочку.

– А сюда можно?

Он вздыхает. Потом кивает, уходит к своей машине и возвращается с черным прибором. Протягивает мне пакетик с новой трубочкой.

– Надевайте сами, – предлагает он. – Я подожду.

Я дую. Из всех сил, потому что злости во мне через край. Прибор пиликает и показывает ровный ряд нулей.

– А с наркотическими веществами у вас как? – Гаишник ехидно улыбается. – Ничего ночью в клубе не принимали? Давайте на освидетельствование с вами скатаемся.

– А может, тебе просто денег в зубы, да и дело с концом? – Волна бешенства накрывает меня с головой, в глазах темнеет, и даже уши закладывает до звона.

– Понятно, – нарочито с растяжкой произносит он. – Значит, оформляем протокол об отказе от освидетельствования, автомобиль едет на штрафстоянку.

– На какую, в жопу, штрафстоянку? – Сейчас я взорвусь.

– А вот так, – с явным злорадством заявляет он. – И предложение взятки должностному лицу, это уже Уголовный кодекс. Так и запишем.

– Подождите... – Я выхожу из машины, решив чуть спустить пары. – Сержант... ммм...

– Красноголовкин.

– Сержант Красноголовкин, поймите, я только из рабочей командировки, из Тамбова, – вру я, чтобы не дразнить его Лондоном. – У меня просто нет времени и сил ездить на все ваши идиотские освидетельствования.

– Ага. Понимаю. Из Тамбова она. Насосали себе на джипы, а потом хамят, – отвечает он сквозь зубы и отворачивается. – Воображаете о себе много, уважаемая.

«Насосала». Вот и приехали. Да, Старкова, это точно не твой день. Тебе просто необходимо напиться. И забыться. В любой другой день я бы просто назвала нужную фамилию или позвонила бы по безотказному номеру, и всё решилось бы. Но не сегодня. Сегодня я мечтаю уничтожить весь мужской род. Чтобы они в аду горели.

– Насосала?! – вскрикиваю я. – Да ты сам у меня сейчас насосёшь! Сука, я работаю в сто раз больше тебя! Да я света белого не вижу! Я жизнь свою положила ради работы и этой

сраной машины. И что б такая мразь, как ты, говорила мне, что я «насосала»? Да кто ты вообще такой? Типичный ментяра, который и власти никакой не имеет!

Я не успела опомниться, как уже колошматила его со всей своей силы по спине. Мои руки попадали в бронежилет, но я этого не чувствовала. Бедолага отбежал от меня за патрульную машину. Его напарник выскочил было его спасать, но я так истошно кричала проклятия в их сторону, что он обратно забрался в автомобиль и, по-моему, заперся изнутри.

– Так, гражданочка, успокойтесь! – рявкнул сержант.

– Я тебе сейчас, блядь, успокоюсь! Насосала... Ты у меня за это слово на столько сядешь, что выйдешь, когда машины уже летать будут! Отдай мои права быстро!

– Успокойтесь, вам говорят! Или я буду вынужден применить оружие. – Полицейский со страху взялся за свою кобуру.

– Да давай! Пали! Пали в безоружную женщину! Вы же только на это способны! Стрелять в женщин и предавать их, когда они вас слепо любят. Так? Ты наверняка жене своей изменяешь. Так? А ну признавайся.

При всём желании нельзя описать, в каком шоке находился полицейский. Заурядный штраф превратился для него в захватывающий боевик. Причём он при наличии табельного оружия и напарника понимал, что против разъярённой женщины, которая вышла из чёрного джипа, нет ни единого шанса. Особенно его натренированный глаз подсказывал ему, что это не очередная любовница какого-нибудь олигарха, а та, которая может отгрызть ему кусок тела и даже не подавится. Несмотря на это, он рискнул и подбежал ко мне, пытаясь усмирить. За что на его грудь градом посыпались удары кулаками, а затем ручьём полились слёзы. Мне нужно было сорваться на ком-то. Все равно на ком. Полицейскому было суждено попасться под горячую руку алчной карьеристки, которой сделали больно. Бедный сержант, ему бы медаль за мужество.

– Ну, тихо, тихо, – начал успокаивать он меня. – Спокойнее. Что с вами случилось? Вам нужна помощь?

– Мне? Не знаю, – искренне ответила я, осознав, что понятия не имею, что может мне сейчас помочь.

Оторвав зареванное лицо от груди полицейского, я взглянула на него. Молоденький, краснощекий, чуть полноватый, одет в форму, которая ему явно велика. Он уже не казался мне тем мерзким ментом. Просто он стоит тут с самого утра. Смотрит на проезжающие мимо машины представительского класса с мигалками, на бомбил с Кавказа без регистрации, на однотипных содержанок, возможно, даже на своих одноклассников, которые подались в коммерцию и теперь чувствуют уверенность в завтрашнем дне. И он понимает, что нельзя так с родиной поступать. Нельзя. Справедливость должна быть. И тут газую я такая, на джипе, на красный свет и вертела я все правила и сержанта этого на том, чем природой обделена. И как он может пропустить меня? Не может. Но зависть – такая едкая вещь, что вырвала на свет это слово «насосала». Ему-то и самому небось сразу стыдно стало, но не сказать этого он не мог. Как не мог не намекнуть на взятку. Ведь дома, наверное, жена в декрете и дочка полугодовалая. Так что приходится ему крутиться.

– Вы меня извините, – говорю я искренне и тихо. – Правда, я не хотела на вас кричать. Мне просто... – Как же тяжело это произнести вслух! – Мне парень изменил. Вот я и не соображаю, куда еду. И денег честно с собой нет.

– Так. Ну, это, вы не переживайте. Щас мы разберёмся, – простодушно и растерянно отвечает сержант.

Он так покраснел, что стал полностью оправдывать свою фамилию. Вот ведь как бывает. А у меня, кстати, на удивление впервые с момента разговора с Тёмой перестало колоть сердце. Просто я приняла факт предательства. И сказала это полицейскому, которому отказалась платить. Да уж, вот тебе и кривая жизни. От этой мысли у меня даже проскальзывает улыбка, что, как мне кажется, несколько пугает сержанта. Чтобы немного разрядить обстановку, я спрашиваю, нет ли у них воды. Мне находят где-то на заднем сиденье патрульной машины бутылку с минералкой и протягивают. Я отпиваю пару глотков и возвращаю.

– Спасибо, – благодарю я и виновато смотрю на него снизу вверх, ожидая, что он решит.

– Да не за что. Так вы, это, вести-то сможете?

– Ну, только если не на штрафстоянку, – отвечаю просящим тоном.

– Да ладно, что я, не человек, что ли? Бывает, задумались. – Он махнул рукой.

– И извините, что ударила вас. И глупости говорила. Просто мне сейчас очень плохо.

– Вы знаете что, поезжайте лучше к кому-то сейчас. Снимите стресс. Ну, вы понимаете меня. Налейте себе грамм сто, полегчает.

– Да, наверное, так и сделаю.

– Вот ваши документы. Держите. Но техосмотр всё же пройдите. Хорошо?

– Пройду, пройду. Спасибо вам. – Я беру документы и пачусь назад. Так как волна шока уже отпустила, а волна стыда нахлынула. «Я тебя засужу», «Сам у меня насосёшь». Боже, откуда это во мне?

– Давайте! Счастливого пути.

Сев в машину, бросаю документы на сиденье. Достаю из сумки сигареты, и что-то привлекает моё внимание. Решение приходит спонтанно, я высовываюсь из окна и кричу:

– Товарищ сержант!

– С вами всё в порядке? – Он быстро подходит и склоняется ко мне.

– Да. Просто поблагодарить вас хотела. Не думайте, я не подкупаю, просто как раз кстати оказался у меня тут мужской подарок, а вы, видимо, за сегодня единственный настоящий мужчина. Так что – держите, – и я протягиваю ему коробочку.

– Это что? – с неподдельным интересом спрашивает Красноголовкин.

– Это часы.

– Спасибо, но не стоит, наверное. И часы у меня уже есть. Жена подарила на двадцать третье.

– Ну, скажем так, это не простые часы. Они очень дорогие. Правда, очень. Знаете что, вы просто продайте их и купите жене что-нибудь. Она порадуется.

– Дорогие, говорите? А на духи французские хватит?

– Ох, хватит и на духи, и на поездку в Париж. Главное, не продешевите.

– Ой, ну что вы. Ну, я это... Спасибо типа... – благодарит он и чешет затылок, рассматривая коробочку.

– И вам, – отвечаю я, завожу мотор и трогаюсь с места.

Оставив сержанта позади себя, представляю, как после продажи часов он будет долго выбирать духи в каком-нибудь Л'Этуале, потом купит вина лучше, чем обычно, ну там нарезочку, себе коньячок, какой начальство пьёт, и пойдёт домой. Жене он расскажет историю о психопатке, которой изменил парень и которая подарила ему эти часы. Дураком будет сержант, если промотает деньги, например, на любовницу, которой если и не было, то не исключено, что не появится. А жена его будет дурой, если начнёт ревновать без причины.

Хотя так ли уж зазорно ревновать без причины? Ну, стимулировать отношения. Держать их горячими и ничего не спускать с рук. Устраивать разборки на грани жизни и смерти. Это всяко лучше, чем быть безучастной, пока однажды итог всего твоего бездействия не обрушится на тебя градом. Может, такие скандалы и созданы для того, чтобы показывать своей половинке, что тебе не всё равно. Ведь когда пара даже не ссорится и оба притираются, вроде называется сожителем. Ну как международные студенты в одной комнате в общежитии. Уйти никто не может, ибо комната на двоих, а разговаривать особо и не о чем. Вот и желаем друг другу доброго утра и спокойной ночи, бегло интересуемся, у кого как дела на работе. Даже секс – и тот чаще на пьяную голову или же буднично-автоматический. Как пресс покачать. Вот так и живут миллионы людей на планете. Застравившие в своих условностях и привычках. Соединённые штаты безразличия.

А как же хочется порой жить, как в испанском кино: с криками, с битьем посуды, с участливыми громогласными соседями под окнами... Кстати, я сегодня даже не разбила ничего. Наверное, истеричка, возникшая во мне во время ссоры, сидела там на пару с толстой жабой, которая подсознательно напоминала мне, что практически всю посуду я привезла из Англии. И что у меня нет тарелок из IKEA, которые я могу без сожаления грохнуть об пол.

Рыжую девчонку винить не в чем, когда я была в её возрасте, я тоже спала с женатыми. Для меня это было весело и интригующе. Вот и докатилась до «когда я была в её возрасте». Что дальше? «В мои-то годы»? В студенческие годы мы с подругами так безумствовали, что удивительно, как мы все доучились. И вообще остались в живых. Порой наши приключения доходили до такой критической точки, что нам необходим был человек, который говорил, что пора остановиться. Но по молодости и глупости, услышав такую фразу, мы лишь больше слетали с катушек. Эх, девчонки, сорваться бы сейчас к ним.

И как только я про себя произношу эту фразу, во мне тут же появляются демон и ангел.

Ангел говорит мне:

«Нет, что ты. Нельзя тебе, Марго, никуда срываться. Ты ответственный человек! Ты сейчас выпьешь немного в баре, успокоишься, а завтра пойдёшь работать. И будешь пахать как можно больше, чтобы заглушить всю боль».

Но тут демон наступает на глотку ангелу и, потирая лапки, шепчет мне:

«Ну, уж нет. Никакой работы. Ты им отдала годы усердного труда. И у тебя куча неотгуленных дней и больничных. Шесть часов – и ты в Питере у Лизки. А дальше? А дальше будет видно. Главное, хорошо, что чемодан с вещами ты не вытащила из джипа. И не пила, так что вести машину сможешь. Ну, прекращай, сколько ты уже их не видела?»

После слова «их» в животе предательски закололо. Я вспомнила о Вике. Но тут же переключилась на Лизу, досчитала до трёх, мысленно подкинула монетку в воздух, поняла, чего хочу больше, и набрала её номер.

– Привет, Марго! – ответила Лиза.

– Привет, Лиз! Как ты?

– Как Прометей. Только вместо печени у меня каждый день вырастает новый мозг, а вместо вороны у меня тупые ученики, которые этот мозг мне каждый день выносят!

– Орла, – машинально поправляю ее я.

– Плевать на орла, у меня ученики, – игнорирует она мою эрудицию.

– Всё так плохо? – спрашиваю я, вспоминая, что Лиза – учительница английского в частной школе.

– А, будни. У тебя там что, как?

– У меня? – Даже и не знаю, что ей на это ответить. – Я в полностью разобранном состоянии. Короче, Артём мне изменил. Если вкратце.

– Ого! Вот скотина. И чего ты?

– На трассе. Лиз, слушай, я понимаю, что у тебя своих дел куча и всё такое, но можно я приеду?

– Ты в Питере, что ли?

– Нет, но уверена, что смогу быстро доехать до тебя.

– Конечно, приезжай. Я так понимаю, вечер у нас с тобой будет насыщенный. Мне выходной брать на завтра?

– Думаю лучше даже два.

– Поняла тебя, подруга. – Мы нажимаем «отбой».

Итак, Питер. Я не особая фанатка этого города. Сами понимаете, погода, снобизм, парадные и поребрики. Но с этим городом связано действительно много приятных событий. В основном это касается различных тусовок, на которых я побывала. Но есть в нём какая-то романтика, витающая в воздухе. Например, в Париже я подобного не ощутила, хоть его неизвестно за какие заслуги и называют столицей любви. А в Питере это парит повсюду. В парочках, которые смотрят, как разводят мосты, в прогулочных катерах, которые являются обязательной точкой посещения приезжих влюблённых, в признаниях любви на асфальте, нарисованные белой краской, напротив чьего-то окна, в стихах поэтов, выгравированных тут и там. И конечно же ничем не выводимая депрессия и тоска, которая гуляет по тому городу, словно призрак. Призрак разбитых сердец и растерзанных душ брошенных людей. Любовь – это ведь не бесконечная радость, а чувство, в котором собрано всего по чуть-чуть. И грусть с тоской там тоже есть. И боль. Много боли. Весь этот причудливый коктейль и называется особенной атмосферой Петербурга.

Я забиваю данные в навигатор, даю направление «Санкт-Петербург» и поворачиваю в правый ряд.

– До точки назначения восемьсот три километра, – приятным женским голосом отвечает мне навигатор. – Примерное время прибытия через восемь часов.

– Let's see, my darling girl, let's see^[3], – отвечаю я ей, словно бросаю вызов.

В нашем боевом студенческом квартете Лиза была кем-то вроде совести. Или стоп-крана, который если не останавливал, то хотя бы пытался притормозить нас, когда мы заходили слишком далеко. Плюс она была старостой группы, а в те годы это хоть что-то, да значило. Лиза была из семьи переводчиков при правительстве, так что у неё был авторитет серьезной, воспитанной девочки. С нами она связалась скорее из чувства противоречия. Ей не хотелось походить на детей друзей и коллег её родителей, которые одинаково одеваются, мыслят и чьё будущее уже предрешиено. Ей хотелось самой решать, какие вещи носить, с кем дружить, какую музыку слушать. Первым её решением было вопреки желанию родителей поступить не в иняз, а на экономический факультет МГУ.

Затем, после знакомства с нами, последовала череда изменений и в имидже. Длинные, роскошные русые волосы Лиза отстригла почти наполовину. В её гардеробе стали появляться немного вызывающие вещи, которые она покупала за границей в поездках с родителями, а из её комнаты доносились британское техно и прочие исполнители, которые не совпадали со вкусом ни её родителей, ни детей друзей родителей, что несказанно радовало саму Лизу.

Несмотря на внешние изменения, училась она очень хорошо и не пропускала занятий. Ну, во всяком случае, первые два курса. Потом она с головой закружилась с нами и сама стала «исполнять», но при этом всё равно была гораздо адекватнее, чем мы трое.

Все эти воспоминания о Лизке нахлынули на меня, когда я уже проехала Тверь, и оставалось чуть больше половины пути. Большие колёса машины позволяли проскакивать мимо ям на скорости сто шестьдесят километров в час. Сколько «писем счастья» соберу – все мои.

Пейзаж по бокам трассы не радовал. Всё серо и уныло. Хотя скажи мне сейчас слово «море», в голове возникнет картинка не из рекламы «Баунти», а финальные кадры из «Достучаться до небес». Может, зря я еду к Лизке в таком настроении? Ну что я ей буду говорить? Сплавлять свой негатив под слоганом «все мужики козлы»? Я никогда не страдала ничем подобным. Но говорить на нейтральные темы тоже что-то не тянуло. Мне нужно выплеснуться. Только не так, как на полицейского. Я не из тех, кто любит жаловаться на жизнь, да мне и жаловаться-то было не на что уже несколько лет подряд. Но чертовски хочется почувствовать себя обыкновенной женщиной с типичными для нас проблемами. И Лиза поймёт меня. Возможно, прочитает несколько нотаций в своём стиле, но хотя бы не будет делать вид, что слушает, а правда выслушает. Она такая.

Пытаясь отвлечься, рассматриваю обочины, названия деревень, разные домики и поля, лесочки, перелески. Каждый раз проезжая мимо таких пейзажей в богом забытых местах, я думаю: «А ведь тут люди живут». Время здесь как бы остановилось. Единственное различие, что первый парень на деревне это уже не владелец мотоцикла «Урал», а обладатель айфона. Наверняка молодое население грезит, как бы вырваться отсюда. Хотя бы не в Москву, а в ближайший соседний город. Им кажется, что там жизнь кипит. Нет, ребят, как только вы меняете место жительства, начинается игра в алчность. Вам становится мало небольшого городка недалеко от вашей деревни, и вы стремитесь в столицу. Но и Москва вам со временем приедается. Гнетёт вас своей мощью и желчью, которой в ней предостаточно. И

тут вы уже мечтаете свалить. Причём желательно в место потеплее. Так как месяц лета за весь год вас уже не устраивает. И вы начинаете придумывать различные пути, как бы так уехать поудачнее, чтобы и в тёплые страны, да при работе и с документами проблем не было. Но во-первых, так не бывает, а во-вторых, вы и на этом не остановитесь. И в конечном итоге, когда вы будете сидеть на хорошей должности в какой-нибудь непримечательной конторе в Чикаго или лежать на пляже Канарских островов, вы подумаете и скажете: «Эх, сейчас бы в деревеньку». И это не от того, что ваша жизнь не сложилась, возможно, вам повезет и вы это произнесёте со своей личной яхты. Дело не в этом. Дело в том, что вы из деревни. И то место, где вы оказались, вам чуждо. Всё ваше естество, впитанное с молоком матери, отторгает вашу нынешнюю среду обитания. Вот вас и носит по миру, как перекасти-поле.

Быстро преодолев ещё пару сотен километров, организм нетерпеливо просит кофе и туалет. Да и ноги не мешало бы размять. Как по заказу, впереди маячит заправка. Я сворачиваю на съезд, и навигатор напоминает о своём существовании:

– Вы свернули с маршрута, через пятьдесят метров сверните налево.

– Подожди, my darling, мне нужна подзарядка. Отдохни пока.

Глазами ищу заправщика. Потом до меня доходит, что на трассе где-то под Великим Новгородом я вряд ли получу такой сервис. Поэтому я захожу в здание, спрашиваю, где у них тут туалет, и по возвращении прошу полный бак на третьей колонке.

Как гордая, самостоятельная и, что уж, одинокая женщина заправляю свою машину. Услышав характерный щелчок, что бак полный, возвращаю пистолет в колонку и иду расплачиваться.

– И ладте, пожалуйста, большой, – обращаюсь я к кассиру, позади которого стоит кофе-машина.

– Чего? – вопрошает парень, явно издеваясь над «столичной штучкой». – Какое мате?

– Ну, это кофе такой. А, забудьте, – вдруг опомнилась я. – Можно просто большой кофе с молоком с собой?

– Ну, так и говорите.

Рассчитавшись и взяв стакан, выхожу из здания и направляюсь к машине. Пока я отсутствовала, к заправке подъехала вишнёвая «Нива», из которой вышли пара мужиков лет под пятьдесят. Именно мужиков. Ибо я не могу назвать мужчинами особей, чьи пуза вываливаются за пояс то ли шорт, то ли семейных трусов. Не разобрать. И чьи ноги украшают шлёпки, надетые поверх носков. И самое паскудное, что, заметив меня, они начинают нагло пялиться и прищёлкивать языками. И совсем не потому, что я их заинтересовала и они хотят познакомиться. В трезвом виде у таких не хватает смелости. А всё дело в том, что каждый из них это делает, чтобы не прослыть лохом перед другим. Чтобы обсудить в деталях, как бы каждый из них меня и в каких позах. Да и сколько они таких, как я, по баням таскали. Вот только зачем эта клоунада, я не знаю. Ведь лично мне плевать, я такое слишком часто вижу. А им уж и подавно. Вот потрещат они сейчас в машине, какие они ловеласы, но ведь каждый из них по первому звонку трехсоткилограммовой жены тут же приедет домой. И тещу на дачу отвезёт. Ну, дальше расклад вы поняли уже. И самое главное – все втроём, мы понимаем, что такую девушку, как я, им никогда не завоевать. В них нет совершенно ничего, что может меня привлечь. И я не только про пивной живот и неприятный запах изо рта. Я ещё про то, что с такими людьми как ни старайся, не найдётся ни одной мало-мальской общей темы. Я их не осуждаю, просто я не хочу иметь с ними ничего общего.

Уже садясь в машину, я вроде слышу какой-то едкий комментарий в свой адрес, но

решаю не связываться с такими экземплярами. Тем более во мне ещё слишком много ярости, а двое побитых мужчин за полдня – уже превышение моего лимита. Так что я ставлю кофе в подстаканник и выезжаю на трассу в направлении Питера.

– Продолжайте движение вперёд ещё сто сорок четыре километра, – просыпается навигатор.

– Слушаю и повинуюсь, – отвечаю я своей электронной собеседнице.

Глава 4

Питер

Когда въехала в Питер, мне стало как-то неуютно. Возможно, это из-за погоды или преобладающего серого цвета города. Лица людей казались мне унылыми и даже злобными. Бездна, недовольство всем и всеми, от мала до велика. И еще, словно они знали, что со мной случилось. Век бы всех их не видеть.

Набрав Лизку, уточняю, где мы встретимся. Она называет мне бар, и я рулю туда. Подъехав к нужному месту и припарковавшись, замечаю, что домчалась из Москвы за шесть часов и пятьдесят минут. И заметьте, это с учётом дозаправки! Весьма неплохо для девушки, у которой весь её идеальный мир взял и перевернулся.

Выхожу из машины и понимаю, что долго в неё ещё не сяду. Признаюсь, поднадоело одной ехать, гоняя по кругу безрадостные мысли под непрерывную музыку из магнитолы.

Бар расположен на старом, неработающем судне, которое пришвартовано к берегу Невы. Выглядит весьма неплохо. Посетители сплошь и рядом менеджеры всевозможных звеньев, бездельницы-жёны да золотая молодёжь. В поисках хорошего столика на террасе проскальзываю между людей, ловя на себе многочисленные взгляды. Да, кролики, я из столицы. Из настоящей столицы. И, пожалуйста, не делайте из этого сенсацию.

Заняв столик с видом на реку, ставлю сумку, выкладываю из неё сигареты, телефон и жду официантку. Она на удивление быстро ко мне подходит.

– Добрый вечер. Меня зовут Татьяна, и я ваша официантка.

– Добрый. – Господи, да какая мне разница, как тебя зовут? Хоть ты и назвалась Татьяной, но выглядишь как Клава.

– Что будете пить?

– Пить? – Вопрос ставит меня в тупик. Обычно в это время я предпочитаю шабли, но хочется попросить спирта. С портвейном. – Пить я буду...

– Девушка, принесите нам два «Capitan morgan spiced» со льдом и два яблочных сока, пожалуйста, – слышу позади я голос Лизы.

– Ага. Хорошо, – отзывается официантка.

– Марго! Привет, любимая! – обнимает меня со спины Лизка.

– Привет, солнце! М-м-м, как я скучала.

– Да уж, надеюсь! Сколько мы не виделись? Год? Полтора?

– Да почти два уже.

– Не было бы счастья, да несчастье помогло, – отвечает она и садится напротив меня.

– Шуш! Дай мне сначала выпить, – говорю я, умоляющим тоном.

– О'кей, о'кей. Ты прямо с работы, что ли? Ну, в костюме.

– Я прямиком из Лондона, считай. А потом с поля боя.

– Слушай, ты быстро домчала. Как дорога?

– Да чёрт её знает. На автомате доехала. Ямы, конечно, все собрала, но слава американскому автопрому, вроде подвеску нигде не оставила. Ты-то как?

– Я? – Лизка отчего-то краснеет. – Да как? Нормально, домой быстро заскочила и к тебе. Блин, прости, но жутко рада тебя видеть.

– Я тоже тебя, Лиз. Жаль, что при таких обстоятельствах. Но кто ж знает, что нас ждёт

за углом? Так ведь?

– Та-ак, – тянет она. – Ты голодная? Тут хорошо готовят.

– Не знаю, наверное, да. Последний раз ела вчера. Причём даже не вспомню, что.

– Поняла, я тогда сама закажу.

Как раз вовремя приносят напитки, и Лиза заказывает что-то мясное. Также она просит принести бутылку белого чилийского вина. И что-то мне подсказывает, что это просто для разминки. Нам определённо нужно растопить лёд долгой разлуки. Нет, мы, конечно, созванивались по телефону и скайпу, поздравляли с разными праздниками, иногда пересылали смешные картинки по ватсапу, но всё равно не было того личного общения, какое не заменит ни одно приложение за 9,99 €. Лёд растопится спустя пару бокалов и небольшой порцией ностальгии, когда мы с ней вспомним, кто мы друг для друга. Сейчас пока мы с ней две старые подружки, у которых из общих тем только программы тренажёрных залов, холодное лето, где лучше всего отметить Новый год и глупые содержанки. Вот на них мы и останавливаемся, когда приканчиваем ром с яблочным соком и нам приносят вино.

– Нет, ты представь... Первый урок начинается в восемь утра. И они приводят своих чад в школу на пятнадцатисантиметровых шпильках. Как ты понимаешь, «лабутены» и всё такое, при полном вечернем макияже и, конечно же, в брюликах. В общем, непонятно, то ли детей провожают, то ли себя на аукцион выставляют. А на родительских собраниях единственное, что от них можно услышать, это томное: «Ну, я уточню-ю-ю». Что уточню, с кем уточню? С министром образования? В общем, клуши, чтоб их! – выпаливает Лиза горячую тираду.

– Да-да. Знакомо. Я с подобными дамочками неоднократно сталкивалась на встречах. Они всегда приходят в окружении четырёх адвокатов, двух помощников, двух арт-директоров и одного диетолога. Причём не суть, под что они просят бабки. Будь то очередной клуб, галерея, фуд-маркет или салон красоты. Главное, чтобы при встрече с подругами с важным видом сообщить, что они при деле и очень заняты.

– А чего они к папикам своим не обращаются за деньгами? Зачем в банк-то идти?

– Ну, в этом-то и весь трюк. Эти папики обычно наши очень хорошие и важные клиенты. И они своим курицам нарочно говорят, что такие бабки налом они дать не могут. Но банк даст без проблем. Уж не знаю, что они им там втюхивают и под каким соусом. Но суть в том, что клиенты с нами договариваются. Чтобы мы их промурыжили месяца три перед тем, как ответ дадим. Ну, там, бизнес-планы и всё такое. А по прошествии трёх месяцев эти клуши либо меняются на новых клуш, либо просто перегорают и едут на Бали, открывать третий глаз. И так по кругу. Но так как клиенты нужные, на всех этих клоунадах приходится мне присутствовать. Ох, Лиз, чего я там только не видела! И идея по эскорт-сервису собак, и ферма устриц... в Москве. В общем, парад уродов в чистом его виде.

– Да уж. И где их только выращивают?

– Вообще во Франции. Если ты про устрицы. А если про клуш, то не знаю, есть, наверное, какой-то инкубатор. Где при рождении вкалывают ботокс, причём сразу в мозг. Ну, чтобы наверняка.

– Видимо. Ладно, чёрт с ними. Давай рассказывай, что там у тебя случилось.

Признаться, этот простой вопрос вогнал меня в полнейший ступор. У меня не случилось. У меня уже всё закончилось. Осталась лишь саморазрушающая грусть и тоска. Плюс осколки воспоминаний, которые безостановочно продолжают меня ранить. Причём ядовитые, с ядом нарастающей неуверенности в себе.

– Да что, Лиз, – я уже перешла на вино, – история стара как мир. Ты начинаешь баловать

своего мужчину, растворяться в нём, он к этому привыкает, ему надоедает, а потом бац! — и его член уже в более молодой заднице. Занавес!

— Да, не оригинально. Но жизненно.

В течение минут пятнадцати я во всех красках описываю ей своё утро и мысли, что посетили меня в дороге. Она участливо соглашается и делится рассуждениями:

— То есть он ещё тебя виноватой пытался выставить? Куда же достоинство-то всё подевалось?

— На мои простыни, я так думаю. — Я определённо начинаю пьянеть. Скорее бы принесли еду.

— А девчонка, кстати, что? — Лиза прыскает со смеху. — Извини.

— Да ничего. Она, в принципе-то, ни в чём не виновата. Может, даже не знала, что у него кто-то есть. Может, он её привёл ко мне домой, выдав его за свой, чтобы показать, что он состоявшийся писатель. Русский классик, мать его. Я как-то пыталась прочесть его последнюю книгу, но после двадцатого повторения «Россия-матушка» решила заказать билеты в Бразилию. Подальше от всей этой псевдодуховности. Гораздо хуже, Лиз, если он ей рассказал всё то, что рассказал мне. Ну, про то, какая я алчная карьеристка, зацикленная лишь на статусе и работе, что я откупаюсь от него и прочее. Представь, как это паршиво — осознать, что человек, который был тебе дороже всех на свете, поливал тебя грязью за спиной. А ты, как дурочка, впахивала, не жалея себя, грезя о счастливом совместном будущем. А всё для чего? Для того, чтобы однажды нагряться раньше срока и увидеть, что твоим полотенцем вытиралась какая-то малолетка. Ужас, фу.

— Да уж, паршиво всё это. Но суть в том, что мы всегда проигравшие, как ни крути.

— Кто мы? И почему?

— Разрешите? — отвлекает нас официантка и ставит на стол тарелки с едой.

— Ох, выглядит отлично, — оцениваю я принесённые нам стейки с деревенским картофелем под сырным соусом.

— Давай, поешь, ты, наверное, с утра не ела, — говорит Лиза, беря в руки нож и вилку.

— Угу, — отвечаю я и налетаю на еду. Боже, даже представить себе не могла, какая я голодная. Кстати, довольно недурно.

— Ну, признак хорошего аппетита — уже первый шаг к выздоровлению.

— Давай лучше выпьем, — я поднимаю бокал, — за глупеньких женщин. Которые ничего не видят и не замечают. И как им от этого легко живётся.

— Аминь! — Мы чокаемся.

— Так что там насчёт проигравших? — спрашиваю я.

— Чего? А! Вот представь, что ты только что окончила университет и познакомилась с парнем. Нашла хорошую работу, и у тебя с ним всё закрутилось. Но парень начинает жаловаться, что с работы ты приходишь слишком поздно и вымотанной. И вам приходится довольствоваться полуфабрикатами или рестораном. А вместе вы проводите только воскресенье. Ибо, понятное дело, у него в субботу футбольчик с парнями и всё такое, а это, как тебе известно, дело святое. И он тебе говорит, чтобы ты увольнялась и проводила больше времени дома. А он сам, один, как истинный кормилец семьи, будет тебя содержать. И вроде бы оно в теории неплохо. Вот ты уходишь с работы. Семейные обеды, ужины при свечах... Начинаешь заниматься какой-нибудь хернёй, типа изготовления мыла или тортиков. И видишь, что благоверный твой с каждым днём возвращается домой все грустнее и всё позже. Так как работать ему приходится всё больше. Хотя святой футбольчик по субботам он так и

не отменил. И вот однажды он тебе заявляет: «Знаешь, дорогая, зря ты на меня кричишь, между прочим! Я тут в доме единственный, кто приносит деньги в семью. А ты вот дурью маешься!». А ты такая: «А зачем ты меня просил бросить работу? Я ведь получала не меньше тебя». И бла-бла-бла. Крики, истерики, хлопанье дверьми... И ты в проигрыше, Рит. Ты – та, которую содержат.

– Ну а вот... – пытаюсь вставить свои пять копеек.

– Подожди. Дальше проходит какое-то время и всё более-менее налаживается. Позже встаёт вопрос о ребёнке. Ну, как во всех нормальных семьях. Вы думаете, размышляете, он настаивает, бьёт себя кулаком в грудь, что ему нужно наследие и как он мечтает о семейных отпусках. И однажды ты ему говоришь, что беременна. Проходят эти самые девять месяцев, и вы – гордые родители. И понеслось одно, другое, прочее, фотографии, радость родных и друзей... А ты, я думаю, догадываешься, что эти милые цветы жизни, несмотря на свои прелестные мордашки и чудные агуканья, делают с телом матери такие вещи, что становишься частой гостьей на форумах по пластической хирургии. И вот тут пропадает ещё одна вещь. Тебя просто перестают хотеть. Так как сначала нельзя, а потом уже нет желания. И пошло-поехало. И ты вновь в проигрыше.

– Давай ещё вина закажем, – прошу я, понимая, что настроение, которое было на нуле, стало уже отрицательным.

– Давай. Так вот, прошли годы. Ребёнок растёт, за ним нужен уже небольшой присмотр. Дома ты уже находиться не можешь и начинаешь искать работу. Но тут вся вселенская реальность берёт и со всей дури бьёт тебя по башке. – Лиза ударяет ладонью по столу так сильно, что бокалы чуть не падают. – Ты просто не можешь найти себе место в жизни. Ты не востребована. Ибо когда все энергичные и прыткие хватались зубами за каждую возможность и поднимались наверх, ты либо пекла тортики, поддерживая домашний очаг, либо меняла памперсы, размышляя, что у тебя, в принципе, не так уж и плохо всё сложилось. И опять же ты и тут проиграла. И как-то вечером в кафе сидишь ты с подругой, взявшись за голову, и не знаешь, что тебе дальше делать. Пока подруга тебе не сообщает, что у неё есть хороший адвокат, который сможет отсудить приличную часть нажитого вместе. Но ты осознаёшь, что тебе и здесь не выиграть, ибо у вас ребёнок. А как ребёнку расти без отца? Кем он вырастет? И ты принимаешь своё поражение. Так как ты в заложницах. Ты в тупике. И тебе некуда бежать, и вернуть потраченные годы ты не сможешь. Слишком поздно. Вот и говорю, что как ни крути, женщины всегда в проигрыше.

– Пиздец. Подбодрила подруга, ничего не скажешь. Теперь моё желание – это напиться как следует и проспать как можно дольше. Потом проснуться и сделать так, чтобы снова захотелось спать.

– Ты не поняла... Рит, ты обхитрила систему. Потому что никогда и ни у кого не шла на поводу. Тебе делали разные «заманчивые» предложения, на которые ты всегда отвечала одним и тем же: «Да пошёл ты!» Срабатывало, между прочим, безотказно.

– И куда это меня привело?

– Привело это тебя к своей подруге в Питер. А не к семейному психологу за триста евро в час с твоим Артёмом. Где бы вы часами искали решение проблемы.

– И что ты имеешь в виду? – спрашиваю я, выдыхая сигаретный дым. – Я выиграла, потвоему?

– Нет, не совсем. Но главное, что ты не подчинилась чужим правилам игры. Не стала чьей-то игрушкой, в конце концов.

– Да уж. Ощутимая разница, – с сарказмом отмечаю я.

– Поверь, это не поражение. Это тактическое отступление. Ты даже не представляешь, что бывает у других.

– А зачем мне другие? Ты меня знаешь уже сотню лет. Я разве когда-то была похожа на других?

– Нет, это, видимо, тебя и спасло от полного провала.

– Видимо.

– Слушай, а секс у вас последнее время какой был? Просто, ты знаешь, когда секс хорош, он способен решить многие проблемы.

– Понимаешь, секс вроде и был хорош. Но не более того. Оргазмы регулярные и обоюдные, но не такие, когда душа отделяется от тела.

– Понятно. Никаких сенсаций.

– Кстати, о сенсациях... – Я вдруг не выдерживаю и решаю спросить у неё то, что меня волновало с самого начала разговора. – Ты мне ничего не хочешь рассказать?

– В смысле? – спрашивает Лиза, отчаянно строя из себя дурочку.

– Да тут один смысл. Я спрашиваю про сенсацию, которая сверкает на твоей руке.

– Ах, ты про это. – Она начинает краснеть и слишком запоздало прячет кольцо с внушительным бриллиантом, которое украшает её левый безымянный палец.

– Да говори уже.

– Ну, я порывалась тебе рассказать сегодня утром по телефону, но тебе тогда явно было не до этого. В общем, Вадим сделал мне предложение. Как-то так.

– Дура ты, Лиз. Дура! – Через стол я бросаюсь к ней на шею и обнимаю её. – Я за тебя очень рада! Наконец-то, чего он так долго тянул?

– Повышения ждал. Сказал, что хочет устроить свадьбу моей мечты.

– Идиот, что ждал. Но я помню, как ты нас всех мучила подробностями организации идеальной свадебной церемонии.

– Ты как, в норме? Просто у тебя сегодня не лучший день.

– Да прекращай. Ни один гулящий козёл не испортит мне такую новость. Так, у меня тост, – поднимаю я бокал и произношу: – За то, чтобы ты никогда не проигрывала!

– Дай бог! Спасибо тебе, Марго. Ты, кстати, первая узнала.

– Да, такой уж у меня талант. Внезапно раскрывать чужие тайны. Прости, я сегодня без подобных выпадов никак. Ну и что ты? Счастлива?

– Да счастлива, конечно. Но я, если честно, боюсь. Боюсь оказаться в роли, которую только что тебе описала.

– Да уж, тут не застрахуешься. Но твои нюни я наблюдала лишь однажды. Когда он принёс тебе домой щенка. И это были сопли радости, а не те, что я сегодня размазала по тарелке.

– Это правда. Мы с ним уже давно. Вот и боюсь, что всё так хорошо, а в какой-нибудь день может случиться катастрофа. Я же просто этого не переживу.

– Не накручивай себя. Он парень вроде хороший. Ну, а если окажется крысой, ты всегда сможешь приехать ко мне в Москву и напиться. Только лети лучше самолётом, а то я от машины до сих пор задницу не чувствую.

– Договорились, сестра, – это был последний стук бокалов, который я запомнила в том баре.

Глава 5

План

После того как прикончили очередную бутылку вина, выкурили неисчислимое количество сигарет и морально растоптали весь мужской род, мы решаем покинуть бар и поехать к Лизе домой. Машину не хотелось бросать на всю ночь на стоянке у бара, но мы были слишком пьяны, чтобы садиться за руль. Поэтому Лиза позвонила своему Вадиму, тот примчался на такси и увёз нас на моем джипе.

Удачно транспортировав наши с Лизой тела до дома, он безрезультатно пытался успокоить наш истеричный смех, который разносился по всему подъезду... вернее, парадному, если по-питерски. Но мы были на таком подъеме, что от нас прозвучали такие дикие и опасные слова, как «клуб», «караоке», «я никогда не плавала в Неве» и прочее, что приходит в нетрезвые умы девушек в кондиции, подобной нашей. Слава богу, каким-то чудом Вадим справился с нами и всё же затащил домой.

У подруги была просторная, уютная квартира с высокими потолками, сплошь заставленная книжными стеллажами с множеством разномастных свечей. Не мой стиль, конечно, но и живу здесь не я. Мысли сразу зацепились за мою квартиру в Москве, которая сейчас стала мне противна, и возвращаться туда пока мне что-то не хочется. А я столько времени и средств потратила, обставляя её. Проклятие!

Вадим сразу нас отправил на кухню, где стал колдовать над заварочным чайником. В глазах немного двоилось, но я наблюдала, как он смешивает разные сорта чая и добавляет в чай ягоды. Запахло лесом. Это немного подняло мне настроение, так как в детстве я очень любила ходить с бабушкой в лес по ягоды и грибы. Процесс сбора меня утомлял, но есть лесную землянику прямо с кустика было невообразимо вкусно. Пока я витала мыслями в далеком прошлом, Лиза мучила Вадима, рассказывая ему наши студенческие байки, который он, видимо, слышал уже не в первый раз, но терпеливо внимал.

– Рит, ты машину на сервис когда последний раз отгоняла? – интересуется Вадим, возвращая меня к реальности.

– Ещё один. Аккуратнее, я вчера за подобный вопрос побила мента.

– Какие вы там все добрые в Москве. Но всё же когда?

– Я её в салоне взяла год назад и ещё не проверяла.

– А-а, тогда всё ясно.

– А в чём дело? – Что-то я совсем не врубаюсь, к чему он.

– Ну, начнём с того, что у тебя, похоже, масло на нуле, если говоришь, что в сервисе ни разу не была. И ошибка в двигателе какая-то. Ты доехала до Питера нормально, вообще?

– Да, нормально. Слушай, я неслась в таком состоянии, что даже если бы у меня тормоза отказали, я бы это слишком поздно заметила. И что мне делать теперь?

– Ну, давай, пока вы завтра спать будете, – говорит он, ставя чашки с чаем на стол, – я на работу на твоей машине поеду и завезу её к ребятам знакомым в сервис. Они посмотрят.

– А как ты на работу доберёшься? Тебе не сложно?

– Да там недалеко. Не переживай.

– Ну, хорошо, спасибо тебе. – Я пробую чай. Он горячий, но ужасно ароматный. – Ой, слушай, вкуснятина какая. Я как будто где-то на даче.

– Ага, это от нашей бухгалтерской мафии.

– В смысле? – не понимаю я.

– Да представь, – встречается Лизка, – отдел бухгалтерии компании, где Вадим работает, бизнес организовали. Тётки тамошние, предпенсионного возраста, продают разный урожай своих подруг-дачниц. Только вот лет десять назад они могли ведро за сто рублей продать, а сейчас, прознав, что все вокруг сидят на экологических продуктах и предпочитают фермерские магазинчики и прочую муть, которую выдают за здоровую пищу, подсуетились, сделали себе, так сказать, ребрендинг и втюхивают свои «ЭКО-дары природы». «Никитишна инкорпарейтед» и всё такое. Ну, а девчонки с работы покупают. Это же тренд. Ну и Вадим купил недавно, когда я болела.

– Да уж. Хочешь жить – умей вертеться.

– А то. Пойду-ка я в душ, а то меня штормит немного.

– Лиз, тебе плохо? – спросил Вадим с волнением в голосе.

– Нет, я в порядке. Просто освежусь.

Они целуются.

Грудная клетка от этого предательски сдавливается.

– Посиди с ней.

– Да нормально всё. Я никуда не убегу. – «Мне особо и некуда», – думаю я.

– Ты как вообще? – присаживается Вадим рядом со мной. – Держишься?

– А у меня есть выбор? Хотя в принципе, кроме работы, я ни перед кем ответственности не несу, так что смело могла бы сойти с ума. Правда, вот...

– Правда в том, что не из-за чего, если разобраться.

– Снял с языка. Алкоголь чудесным образом помогает разложить хаотичные мысли по полочкам.

– Или друзья. Ты же понимаешь, что каким бы гнусным ни был его поступок, Артём тебе оказал услугу.

– Только мне от неё отчего-то хреново. Сомневаюсь, что ему так же. Наверное, пошёл к этой рыжей и продолжил начатое.

– Это уже не важно. – Он закуривает.

– С каких это пор ты куришь?

– Да в юности ещё пристрастился. Но давно бросил. А это... – он показывает на сигарету, – просто баловство. Позволяю себе раз в месяц. Только Лизке не говори.

– Вот видишь, всё начинается с недоговорок и секретов. А потом вырастает в это, – показываю я пальцем на себя.

– Да прекрати, она знает, просто делает вид, что не замечает. Как я, например, прикидываюсь, что не в курсе, что она в Сети под псевдонимом пишет порнорассказы.

– Да ты гонишь! – Я стараюсь сделать максимально удивлённое лицо, но в пьяном состоянии это выходит комично.

В эту тайну подруга посвятила меня уже достаточно давно.

– Ой, перестань. Всё ты знаешь. Но этот грешок я ей отпускаю и не вхожу в её личное пространство. Хотя признаюсь, она такое иногда пишет, что мне кажется, я живу с Сашей Грей.

– Это кто? – спрашиваю я.

– Скажем так, Джулия Робертс в мире порно.

– Ну, прости, я не знаток.

– Проехали. В общем, смысл в том, что закрывать глаза на такие вот грешки – это не значит забивать друг на друга. Это значит – идти на компромисс и оставлять каждому его маленькие тайны.

– Возможно. Видимо, у меня просто слишком мало опыта в этом во всём. Жизнь с Артёмом – мои первые серьезные отношения. А всё, что до него, это сплошные интрижки. Не более.

– Тогда с боевым крещением тебя.

– Так что ты там начал, что он сделал мне услугу?

– А-а, верно. Услуга в том, что вскрылось, кто он на самом деле, не слишком поздно. Представь, всё бы зашло так далеко, чтобы вы, скажем, поженились или завели ребёнка. И только потом ты бы узнала, что он за человек и насколько тебе верен. Вот это была бы натуральная подстава. А сейчас он прошёл испытательный срок, но провалился в конечном итоге. Но хоть не затянул тебя в глубокий омут.

– Да уж! Спасибо ему! Большое. – Настроение вновь падает и трансформируется в пьяную злость. – А ты, Вадим? Ты не утянешь Лизу в омут? Ну, ты же тоже вроде как испытательный срок прошёл и всё такое. А вдруг не выдержишь? Вдруг она тебе надоест или ещё что случится? Ответь мне. – Я смотрю на него с прищуром. Но злоба у меня не лично к нему. Она сейчас покрывает весь мужской род.

– Марго, я тебе сейчас один умный вещь скажу, но ты только не обижайся, – цитирует он классика советского кино с армянским акцентом, что сразу же меня задабривает. Люблю этот фильм, – без обид, но я не Артём. И мы с ним, насколько я знаю, ни в чём не похожи. А обладание первичных мужских половых признаков не делает меня таким, как все. Возможно, это и банальность, но это так. А самое главное – Лиза это знает. Резюмируя – нет, я не не причину ей боль. Никогда.

– Хочется тебе верить. Но я не очень-то доверяю мужчинам. Прости, просто такая я вот сейчас обиженная на весь мир и несчастная. Я вам желаю счастья. У вас обязательно всё будет хорошо. Но имей в виду, Вадим, – полушутя-полусерьёзно говорю я ему, – если ты её хоть раз обидишь, если хоть раз она мне расскажет историю, подобную моей, я тебе обещаю, что моё пятилетнее членство в стрелковом клубе и обладание «глоком» не пропадёт зря. Понимаешь, о чём я?

– Понимаю, понимаю. Грязный Гарри. Ты только пепел сбрось в пепельницу, иначе, если Лизка увидит, что ты на пол стряхиваешь, она тебя сама тут замочит.

– Твою ж мать. Прости. Дай тряпку. – Я вдруг опомнилась, что уже минуту стряхиваю куда угодно, но не в пепельницу.

– Вот, держи, – он протягивает мне бумажное полотенце. – Да, девчонки, вы и правда друг за друга горой. Ничего не скажешь. Амазонки каменных джунглей.

– Вади-и-им, принеси халат, пожалуйста! – кричит из ванной Лиза.

Он вышел, а я решаю посмотреть, что творится в Фейсбуке. Фотографии путешествий, еды, вечеринок, благотворительности, лайфхаков... Все как всегда. С минуту думаю, а затем всё же захожу на страницу Артёма. Ничего, никаких новостей. Наверное, не до этого. Видимо, слишком занят. Хотя надеюсь на то, что он сделал харакири. Но вспоминаю, что он отнюдь не самурай, а я вовсе не любовь всей его жизни, как оказалось, и закрываю приложение. На кухню заходит Лиза, уже в халате.

– Ну, ты как? – Она садится возле меня за столиком и доливает себе чаю из заварочного чайника.

– Местами. С Вадимом о том о сём болтали. Он у тебя классный. Таких надо в Красную книгу заносить. Повезло тебе, подруга.

– Да тут дело не в везении. Он же не всегда такой был. Просто так вышло, что нам вместе очень хорошо. А когда нам было плохо, мы работали над этим и исправляли. Так с каждым днём нам становилось всё лучше и лучше. Мы не идеальны, как и наши отношения. Но быть идеальным такая скука. Правда же?

– Правда.

– Девчонки, вы это... болтайте. – Вадим заглядывает в кухню. – А я спать пойду. Поздно уже. Малыш, не блукай до утра. Хорошо?

– Хорошо, кис. Скоро приду к тебе.

– Давай Рит, спокойной ночи, не вешай нос.

– Так точно, – салютую ему я.

– Всё равно спать не будет, – говорит Лиза после того, как он ушел. – Сто процентов фильм будет смотреть какой-нибудь.

– Ой. Погоди, – говорю я ей и срываюсь со стула. – Вадим, подожди. Вопрос есть.

– Спрашивай, – говорит он, когда я его застаю на пороге спальни.

– Вот скажи мне, не совсем трезвой, преданной и запутавшейся женщине, а мужчины, ну в целом, они все сволочи и не способны быть верными только одной женщине? Неужели вам недостаточно одной?

– Понимаешь, тут не ответить однозначно. Много нюансов: смотря какая женщина рядом с этим мужчиной, сколько этому мужчине лет, какой багаж у него за плечами и прочее. Но одно могу сказать точно: у каждого мужчины, невзирая на любое из этих обстоятельств, всегда есть выбор – быть или не быть с одной-единственной девушкой. Нас же никто, в конце концов, не заставляет. Это всегда наше решение. Как ни крути.

– Поняла. Спасибо тебе.

– Давай, Рит. Не грузись. Утро вечера мудренее, – говорит он и закрывает за собой дверь спальни.

– Чего ты там? – спрашивает Лиза, когда я возвращаюсь на кухню.

– Да так, консультация у специалиста.

– Понятно. Так, садись, смотри, что я нашла, – она разворачивает ко мне ноутбук и открывает папку с фотографиями.

– Ничего себе! – восклицаю я, когда вижу название папки. – И за сколько тут лет?

– За все, что есть. Мы вчетвером. Вся лисья стая.

– А нет отдельной папки, только где мы втроём? Ты, я и Даша?

– Нету. И успокойся. Как бы у вас там с Викой ни было, это память и история.

– Ладно, сделаю вид, что просто не замечаю её на фотках.

– Как хочешь. Блин, смотри, это мы в Крым поехали. Я никогда тот поезд не забуду. Нас ещё пограничники тогда на деньги развести пытались.

– Помню, помню. А это что?

– Это мы после «Цеппелина», в пять утра шаверму ели. Гламурные тусовщицы, блин.

– О боже! А это когда? – Я показываю на очередную фотографию.

– Это вы с Лордом Волан-де-Мортом, проиграли ребятам в покер и пошли голые в магазин.

– С каким ещё воландемортом?

– С Викой. Ну, её же имя нельзя произносить.

- Ха-ха, как смешно. Тебе эту шутку твои ученики рассказали?
- Так, прекращай быть злой сукой, или больше ничего не покажу!
- Ладно, спокойнее, – примирительно целую её в макушку. – А вот эту фотку я помню.

Концерт U2 вроде.

- Точно! А это начало нашего евротрипа.
- Боже, это было что-то! Нет, серьёзно, я думала, что добром это всё не кончится. Хотя тогда для нас это были лишь хорошие новости. Во что бы то ни стало нужно было вляпаться в пару историй. И вечно сухими из воды выходили.

- Ну, наверное, просто везение.
- Магия декольте, скорее, – говорю я и выпячиваю грудь.
- Думаю, всё вместе. Эх, как же здорово было. Никаких обязанностей, дорога, приключения. И всё только начиналось.

– Да-да. Второй сезон, первая серия. – Я откидываюсь на спинку стула, подобрав под себя ноги, и закуриваю.

На экране появляется фотография нас четверых на Октоберфесте в Германии.

- А тут Дашка и встретила своего Шульца.
- Только он Ганс, а не Шульц, – поправляет меня Лиза.
- Да какая разница. Я до сих пор не могу понять, как они сошлись. Кстати, ты с ней давно общалась? Как она там?

– Неделью назад. Вадиму нужно было что-то с немецкого перевести. Да нормально она. Как и последние годы.

- То есть...
- Да минут пятнадцать рассказывала мне, почему она покупает теперь детям хлопья не той, а другой марки.

– Да уж, и такое, видимо, бывает. Хотя с трудом верится. Но я бы не отказалась сейчас с ней поменяться местами. Ну не конкретно с ней, это я преувеличиваю. Но отпуск от самой себя на несколько дней был бы подарком свыше. Так как сейчас я – это не я. А лишь тень меня. И эти фотографии – прямо удар под дых. Они говорят мне о том, что когда я была в сто раз беднее, могла себе позволить гораздо больше свободы. Вот ведь парадокс.

- Слушай, а вот вопрос такой – а что тебе, по сути, мешает? Ну, сорваться куда-нибудь?
- Куда? Поехать в гордом одиночестве на необитаемый остров и от отчаяния повеситься на пальме? Или удариться в секс-туризм в Таиланде?
- Варианты, конечно, интригующие, но нет. Я не про то. Глянь, что я нашла.

Лиза пододвигает ко мне ноутбук и показывает фотографию. На снимке мы четвером стоим на обрыве скалы, на самом западе Европы, в Португалии. Смотрим на закат. Мы только что окончили университет, и наш вояж тоже подошел к концу. Это был предпоследний раз, когда мы путешествовали вместе. Тот день был очень красивым и очень грустным. Четыре подружки и самые родные друг другу люди на планете, мы боялись. Боялись того, что по возвращению домой разбежимся по разным работам, будем жить в разных районах или даже городах, и взрослая жизнь захватит нас в свой водоворот. Да и вообще мы понимали, что теперь придётся полностью брать всю ответственность на себя. И это немного пугало. Позже вечером, по возвращении в отель, мы напились, много смеялись и танцевали. Но это была защитная реакция. Мы готовы были делать всё что угодно, лишь бы не плакать. По прошествии времени все наши опасения сбылись. Мы разлетелись по разным уголкам земли, и нас закрутило. Нет, мы, конечно, созванивались и даже иногда ездили друг

к другу, но это уже было не то. И мы уже были не вчетвером. Из нашей стаи самой близкой мне была Вика. С ссоры с ней всё и началось. Точнее, закончилось. Но это уже не имеет никакого значения.

– Кабо да Рока? – спрашиваю я, хотя уверена в ответе.

– Он самый. Боже, как же красиво.

– Нереально, – соглашаюсь я. – Так к чему ты мне это показала? Что за вариант у тебя?

– Ну, я тут подумала... – тянет она с ответом. – Как тебе идея – повторить это?

– Что «это»? Поехать в Португалию?

– Да! Но не напрямую, а через Европу, как тогда, – показывает она на фото. – Что скажешь?

– Лиз, для меня подвигом было к тебе на день приехать. И то спишем это на состояние аффекта. А ты говоришь – рвануть по Европе на машине. Я ж сказала, для меня сейчас это непозволительная роскошь.

– Почему? Ты контракт кровью подписала? Ты разве заболеть не можешь?

– Нет, я не могу заболеть. Меня заставляли приходить на встречи с температурой под сорок. Или вызывали на скайп-конференции.

– А если скажешь им, что не можешь вернуться в Москву, так как прикована к больничной койке? А все ноутбуки запрещены в палате, ибо оборудование высокочувствительное?

– Больница? Какая к чёрту больница? С чем я слягу?

– Ну, лежать тебе ни с чем и ненужно. У меня доктор есть знакомый, он тебе что угодно напишет. Хочешь – инсульт, хочешь – аппендицит.

– А он действующий врач?

– Да, причём – главврач. Просто дом строит, ну, сама понимаешь. Так что в справке будет значиться, что ты пролежала столько-то дней, под чётким наблюдением и всё прочее. Если кто проверить захочет, медсёстры предупреждены будут. Чего переживать-то? Или тебе клиенты как дети родные?

– Да, Лиз, полетит там всё без меня. Там сборище идиотов. Правда.

– А ты им обязана, что ли? Приедешь – исправишь.

– Не, не поеду. Одна там с ума сойду. Ещё хуже будет. – Я всё же отбрасываю эту идею, которая начала меня уже радовать.

– А кто тебе сказал, что ты поедешь одна? Ещё чего... – Она удивлённо вскидывает бровь.

– А как? У тебя тоже работа. Да и подготовка к свадьбе ещё. Куда тебе ехать с одинокой психопаткой?

– Ну, насчёт моей работы не переживай. С врачом мы на двоих договоримся. А Вадим – он поймёт. Компромиссы, понимаешь? Придется, конечно, ему разрешить на страйкбол его обожаемый ездить. Но оно, мне кажется, того стоит.

– Ты ненормальная. Нет, я серьёзно. Ты же всегда отговаривала нас от подобного «а давайте сейчас, в три часа ночи, в аэропорт махнём и на первый попавшийся рейс сядем». А теперь у тебя тормоза полетели.

– Давай спишем это на уже моё состояние аффекта от сделанного мне предложения.

– Как скажешь. И что, какой план?

– Ну, план ещё не совсем полноценный. Думаю, стоит позвонить Дашке.

– Лиз, – смотрю я на это милое, но ещё пьяное создание.

– Чего?

– А тебя не смущает, что у них два часа ночи сейчас?

– Нет, а что?

– Ну, поздновато. Они там часов в девять вечера уже спать ложатся.

– Ой, да перестань. Ничего страшного, – говорит она и набирает номер.

Пока подруга ждёт ответа, я смотрю перед собой, и мысли начинают свой стремительный бег. И я понимаю, что пытаюсь всячески отмазаться от этой поездки, хотя так же страстно мечтаю отправиться в неё. Мисс Противоречие. Что делать? Как же быть? Да плевать, если этому суждено сбыться – оно случится. Если нет – значит нет. Иногда нужно перестать управлять и просто катиться с горки. И будь что будет.

– Ну что там? – спрашиваю я после того, как она положила трубку.

– Что-то прокричали на немецком. Я ни слова не поняла.

– Сомневаюсь, чтобы Дашка с нами вот так спонтанно сорвалась. Свой отпуск они планируют за год, и она рассказывает о подготовке к нему всякий раз, как созваниваемся. Так что давай просто с утра напишем ей эсэмэску, – предлагаю я.

– Точно. Куда она денется. Так, теперь нужно найти Вику.

– Стоять! Лиза, послушай, внимательно послушай меня. Никаких Вик! Или я никуда не еду. Я не хочу её видеть. Я не хочу сменить одно дерьмо на другое. Поняла меня?

– Ну, Рит, столько лет уже прошло. Может, вам сесть, поговорить, и забылось бы всё.

– Такое не забывается. Лиз, всё, не начинай даже. Наверное, это была плохая идея. Вернусь завтра в Москву.

– Ну погоди. Ладно, ладно. Я должна была попробовать. О'кей. Тогда план таков – мы летим на самолёте к Дашке в Штутгарт, там дальше смотрим по ситуации. Если она ещё не совсем поехала крышей, то хватаем её, берём тачку напрокат и едем в Португалию через Францию и Испанию. Ну, примерно так. Справку тебе и мне сделаем. Паспорт с собой?

– Да, в машине.

– Отлично. Отправим моему доктору данные, и он пришлёт всё на электронку в твой банк. А с шенгенкой у тебя всё о'кей?

– Вроде да... – Я пытаюсь вспомнить, когда у меня истекает шенгенская виза. – Ещё на год примерно.

– Супер, я свою недавно обновила. Тогда вроде бы всё.

– Охренеть. Тебе бы схемы экономические проворачивать. Может, ко мне работать пойдёшь?

– Нет, дорогая. Это без меня. Если бы не вы, я бы с эконома ещё на первом курсе ушла. Скучно до жути.

– Ну, как знаешь. Я, конечно, до сих пор поверить не могу, но, в общем, я согласна. Кстати, когда летим?

– Момент, билеты посмотрю. Но думаю, чтобы не терять времени, то первым рейсом. С утра, в общем.

– О'кей, я тогда пойду вещи из машины достану. Дай ключи от квартиры, чтобы в дверь не звонила.

– Возьми там, в прихожей, – говорит Лизка, попутно ища билеты на рейс.

Я спустилась в подъезд, вышла во двор, открыла джип и начала собирать документы, навигатор. Поняла, что не зря оставила чемодан сегодня в машине. И тут меня накрыло. Какая Португалия, какие поездки? Старкова, ты сбрендил, что ли? Куда тебя чёрт несёт?

Так, посмеялись, и хватит.

Вновь начала складывать вещи в машину, попутно браня себя, что чуть не поддалась уговорам, как вдруг вспомнила, как давно я совершала что-то безумное и какие ощущения при этом испытывала.

– Да что я теряю-то? – обратилась я в никуда.

Не работу, это точно. Парня у меня уже нет. А вот клёвое приключение потерять могу. Плюс – кто его знает, когда я ещё смогу увидеть девчонок. Жизнь – она непредсказуемая.

– Да пошло оно всё! – снова выкрикиваю в темноту, обратно выгружаю чемодан, закрываю машину и возвращаюсь домой к Лизе.

– Ну что, есть новости? – спрашиваю я с порога.

– А то. Завтра днём рейс, в полвторого. Давай сюда паспорт, данные твои нужны.

– Ага, вот, держи, – протягиваю ей загранпаспорт.

– Так, иди спать во вторую спальню, я тебе там уже бросила бельё. Я закончу бронировать и тоже отрубаясь. Ещё нужно Вадиму будет всё правильно преподать.

– Лиз, ты точно уверена, что хочешь этого?

– Да, на сто процентов. Я возбуждена настолько от всего этого, что не знаю, смогу ли вообще уснуть. Всё, спокойной ночи.

– Ненормальная, – смотрю на неё с удивлением и восторгом. – Спокойной.

Уже засыпая, понимаю, что, садясь в самолёт из Лондона в Москву, я не могла бы даже представить сценарий моего сегодняшнего дня. Может, на самом деле всё, что ни делается, – всё к лучшему? Дороги, правда, к этому светлому будущему сплошь из оврагов и ухабов, но вдруг это такой план Вселенной? Поживём – увидим.

С этими мыслями я окончательно проваливаюсь в сон.

Глава 6

Знаки

– Рота, подъём! – будит меня звонкий голос Лизы.

Я совершенно не выспалась, и ощущение, что заснула лишь пять минут назад. Но посмотрев на экран телефона, замечаю, что уже одиннадцать часов и одиннадцать минут.

– Ни за что. Хочу спать.

– Вставай! Я тебе кофе сделаю, – говорит она и уходит на кухню.

– Изыди, ведьма.

– Поднимайся, нам в аэропорт скоро.

– Аэропорт? – Тут же, словно тысячами иголок, мой мозг прокалывают воспоминания из вчерашнего дня. Это всё-таки не сон...

Я медленно встаю с дивана и начинаю одеваться. Похмелья вроде бы нет, благо выпила много воды перед сном, но голова мутная. Наскоро умываюсь, выдавливаю зубную пасту себе на палец и кое-как чищу зубы. Пройдя на кухню, туманным взглядом смотрю на вчерашнее словесное поле боя и ловлю флешбэки. Да, съездила в Питер, называется.

– Перекуси. Силы пригодятся, – подруга ставит передо мной тарелку с куриным бульоном и продолжает краситься.

– Ты когда успела? Ты ложились вообще?

– Ложились. Это Вадим приготовил, с утра перед работой.

– Дай бог ему здоровья! – говорю я и зачёрпываю первую ложку. – Я себя теперь ещё большей сукой чувствую, что уволю тебя от него. Кстати, как он воспринял?

– Ну, для вида, конечно, попытался возразить, но мы нашли точки соприкосновения. Так что всё хорошо. Вкусно?

– Нереально! То что доктор прописал. Ты собралась?

– Да, кинула что-то. Но немного, так как дурой буду, если полечу в Европу и не привезу себе обновок.

– Что-нибудь, что уже некуда складывать? – ухмыляюсь я.

– Да-да. Две вечные проблемы. Так и живём.

– Ты кофе всё в турке варишь?

– Ага. И тебе оставила. Налей сама, пожалуйста. Пока я тут маскировкой следов весёлой ночи занимаюсь, – говорит Лиза, прикрывая глаз, чтобы накрасить ресницы.

– Ну, сейчас в ванной моё отражение в зеркале тоже не прибавило мне оптимизма.

– Да ты, кстати, ничего. Годы тренировок?

– Ага! Тренинг под названием «Как восстановить имидж бизнесвумен после корпоратива» пройден на отлично. И ещё у меня очки от солнца большие.

– Так, что-то такси опаздывает. Надо позвонить. Алло, девушка, машинку заказывали на одиннадцать до аэропорта. Что? Вы серьёзно? И что? Поняла. Хорошо, ждём. И побыстрее, пожалуйста, мы опаздываем.

– Что случилось?

– Да машина, что к нам ехала, в аварию попала.

– Во дела. Ужас. И дальше что?

– Да новую послали, сейчас будет.

- Чёрт, у меня вещи в чемодане, наверное, все мятые. В чём ехать-то?
- Поезжай, в чём сейчас.
- В чём? – Я возмущенно таращусь на нее. – В двухдневном костюме?
- Марго, правда, не успеем погладить. Прилетим и решим что-нибудь.
- Пф-ф-ф... Ладно, погнали.

Выйдя из квартиры, спускаемся на улицу, и сразу подъезжает такси синего цвета неизвестной марки. Погрузив вещи в багажник, трогаемся с места, и нам тут же перебегают дорогу чёрная кошка. Водитель чертыхается, но продолжает путь.

– Извините, вы не могли бы побыстрее? А то у нас рейс скоро. Волнуемся, – скороговоркой произносит Лиза.

– Да я понимаю. Но проспект, собака, стоит, – указывает рукой в неизвестном направлении шофёр.

– Не переживай, успеем. Терпеть не могу околачиваться в аэропортах, – успокаиваю я.

– Ну, лучше там подождать немного, чем опоздать, – возражает она.

– Давай положимся на судьбу. Пусть она решает.

– По рукам.

Убивая время, просматриваю почту на телефоне, как вдруг высвечивается фотография Артёма. По привычке, не подумав, тут же решаю ответить, но экран внезапно гаснет.

– Блин. Батарейка села.

– И слава богу! Ты ведь ответить хотела? – спрашивает Лиза с нажимом.

– Я? Не знаю. Автоматически нажала. Не подумала просто. У тебя зарядки портативной нет? А то моя в сумке, в багажнике.

– Не, с собой нет. Тоже в багажнике. Но давай ты подумаешь сейчас хорошенько и решишь, брать или не брать трубку тебе в следующий раз.

– Да пошёл он, – резюмирую я после недолгого размышления, и мы продолжаем плестись в потоке машин.

Потратив уйму времени в пробке, мы всё же вырываемся из неё и вскоре несёмся по финишной прямой в сторону аэропорта. Лизка заметно нервничает, я же совершенно спокойна, ибо решила для себя – если суждено успеть, то обязательно успеем.

До конца регистрации остаётся двадцать минут, когда мы подъезжаем к зданию аэропорта. Быстро выгрузившись и расплатившись с водителем, мы бегом направляемся к входу. Пройдя металлоискатель, подходим к стойке регистрации, получаем билеты и сдаём багаж. Минут десять занимает паспортный контроль и личный досмотр.

– Фух, успели, – выдохнула Лиза, и мы садимся в зоне ожидания возле нашего выхода.

– Значит, нам судьба полететь. Пойдем покурим?

– Не, не хочу. Иди сама. Я пока Вадиму позвоню.

– Привет от меня ему. И спроси, что там с машиной.

Оставив Лизу, направляюсь на поиски курилки. Людей достаточно много. В основном семьи с детьми. У всех одни и те же выражения на лицах – замотанные, но улыбчивые. Едут в отпуск, тут всё понятно. Будут целых две недели лежать на пляже, ездить на групповые экскурсии и ходить каждый вечер в один и тот же ресторан, потому что там «приличненько» и есть меню на русском.

Ещё одной узнаваемой чертой соотечественников за границей является взгляд. Его нельзя перепутать ни с чьим другим, он вечно всё оценивает, что сколько стоит, кто в чём одет, как это место отличается от фотографий в Интернете, свежесть мяса в тарелке и

прочее. Русский турист вечно боится, что его где-то обманут. Сам же он считает, что, приехав со своими деньгами, отложенными на отпуск, он спасает экономику какой-либо страны, чьим гостем он оказался. Конечно, такое бывает, но те люди, которые и правда поддерживают экономику других стран, уж точно не ожидают своего рейса в общем зале ожидания.

Мы бы с Лизкой, кстати, тоже не ждали, но билеты на рейс остались только эконом-класса. Ладно, не беда, вспомним молодость. Мы вообще как-то вчетвером ехали в купе проводника плацкартного вагона. Разгар сезона, взять билеты никуда невозможно. Было тесно, но весело. Сейчас я летаю либо бизнес-классом, либо на частном самолёте компании. Просторно, но никакого веселья нет. Кто бы знал.

Найдя курилку, щелкая зажигалкой, с наслаждением затягиваюсь, выпускаю дым и прислоняюсь спиной к стеклу, которое разделяет нас, отверженных, от «чистых». Эти стеклянные коробки напоминают мне зоопарк. Где люди, не зависимые от никотина, смотрят на нас, как на диких зверей, которых нужно держать подальше. Надпись на сигаретной пачке гласила «КУРЕНИЕ УБИВАЕТ». Жизнь убивает. А курение максимум вызывает неприятный запах изо рта. Если бы я не курила, наверное, не выдержала бы тонны беспрестанно сваливающихся на меня проблем. И не любила бы так кофе. Ещё один, кстати, мне не повредит.

Я подключила телефон к портативной зарядке, но он пока не «ожил». Неожиданно сзади меня за прозрачной перегородкой начинает кто-то кричать. Я резко оглядываюсь через плечо и вижу двух детей, которые, прислонив лица к стеклу, кривляются и верещат. И тут рядом со мной раздаётся голос, по-английски просящий их вести себя спокойнее. Я вздрагиваю от неожиданности и вижу в паре метров от себя курящего мужчину в возрасте, одетого в костюм и вязаную жилетку. Он смолит короткую чёрную сигарету и периодически чешет седую бороду.

– So sorry, – извиняется он, видимо, за внуков, – little devils^[4].

– Oh, that’s ok. They are kids, right? And they are so nice^[5], – отвечаю я, хотя эти маленькие засранцы меня напугали.

– Thank you^[6]. – Он улыбается.

И вроде бы всё хорошо, просто ничего не значащий разговор двух курильщиков в ожидании рейса, но что-то тут было не так. Глаза и смех мужчины были мне до боли знакомы, хотя его лица я вроде раньше не видела. И мозг, ещё до не до конца проснувшийся, начинает раскалываться от множества версий, на кого похож этот бородач. Верный вариант так и крутится на языке, но вчерашнее вино убивает всякую надежду на разгадку. Решив не паялиться на мужчину слишком долго, докуриваю и выхожу из курилки.

Лиза заканчивает разговор и отключает связь.

– Ну что там, как Вадим?

– Да нормально, спрашивал, как чувствуем себя и всё такое. Машину твою он отогнал в сервис. Будут новости – напишет. Врача тоже на себя взял. Как будет готово, они отправят на твою работу справку.

– Понятно, с меня причитается. Ну а то, что его будущая жена с ума сошла, он ничего не сказал?

– Нет, но сказал, что лучше бы мы, как все нормальные женщины, во Вьетнам поехали. Ну, там спа, «май-тай» в кокосах и всё такое.

– Вьетнам! Точно! – вскрикиваю я. – Доброе утро, Вьетнам!

– Ну, вообще то, всё ещё Питер, но как скажешь, – говорит она, вскинув бровь.

– Нет, фильм. Фильм «Доброе утро, Вьетнам».

– Ты только сигареты ходила курить? Я не понимаю, о чём ты...

– Короче. – Я оглядываю зал в поисках иностранца с внуками. – В курилке был мужчина, и он мне кого-то сильно напоминал, но я не могла вспомнить кого. Его лицо было незнакомым, но глаза и смех жутко походили на кого-то, кого я раньше видела. И я, кажется, вспомнила, но это невозможно. Знаешь, – я сглатываю, – не подумай, что я поехала головой, но я только что встретила Робина Уильямса.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Примечания

Добрый день, дамы и господа...(*англ.*)

Ограниченная серия (англ.).

Посмотрим, дорогая, посмотрим (*англ.*).

Прошу прощения, маленькие дьяволята *(англ.)*.

Ничего страшного. Они же дети, верно? И они так милы (*англ.*).

Спасибо *(англ.)*.